

УДК 330+323.4

ОГРАНИЧЕННОСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИДЕИ

Мач Валентин Яковлевич, экономист (Республика Беларусь, г. Бобруйск)

Аннотация

Выяснить возможность приемлемого разрешения экономических противоречий в человеческом обществе должна общественная наука — политическая экономия. Социалистическая идея в своем развитии увязывала разрешение указанных противоречий с организационным совершенствованием самопроизвольно возникшей на определенном этапе имущественного расслоения человеческого общества добровольной благотворительности. Примером наиболее эффективного использования социалистического распределения является шведская модель, тем не менее представляющая собой социал-демократический тупик: сохранение значительного социального неравенства в странах с наиболее развитыми системами социальной защиты подтверждает ограниченность социалистической идеи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: утопический социализм, социал-демократия, коммунизм, распределение благ.

THE LIMITATION OF THE SOCIALIST IDEA

Mach Valentin Yakovlevich, economist (Republic of Belarus, Bobruisk)

Abstract

The possibility of an acceptable resolution of economic contradictions in human society must be found out by means of a social science called political economy. In its development, the socialist idea linked the resolution of these contradictions with the organizational improvement of voluntary charity that spontaneously arose at a certain stage in the property stratification of human society. An example of the most effective use of socialist distribution is the Swedish model, which nevertheless represents a social democratic “dead end”: the persistence of significant social inequalities in countries with the most developed social protection systems confirms the limitations of the socialist idea.

KEYWORDS: utopian socialism, social democracy, communism, distribution of wealth.

Давно назревавший кризис советской общественно-экономической системы был произвольно вызван новым курсом нового руководства КПСС, объявившего о начале полной перестройки страны. Задуманная в качестве средства оздоровления обездвиженного в партийных идеологических тисках советского общества, перестройка началась с неограниченной свободы слова, обернувшейся в скором времени неконтролируемой свободой действий. Задуманная в качестве средства повышения эффективности управления народным хозяйством страны, доведенного до критического уровня застойных явлений, перестройка ускорила развал народно-хозяйственного комплекса СССР, ограничившись бесплодными призывами к гласности и необходимости перехода к некоему новому мышлению. В результате, относительно спокойное протекание процесса загнивания и разложения советского общества сменилось резким его обострением, исключившим для партийного руководства всякую возможность влияния на зигзагообразные изменения общественной и экономической организации вследствие возникновения и значительного

распространения неуправляемого самопроизвольного процесса в общественных и экономических отношениях.

Неограниченная свобода слова нарушила существовавшее ранее сплоченное единомыслие советских экономистов, бывших до того убежденными сторонниками социалистического реализма в экономике. Одни из них, безошибочно почувствовав собственную выгоду, без каких-либо колебаний отдали бывших советских трудящихся на откуп новоявленным нуворишам. С достойным лучшим применением усердием превозносят они общечеловеческие ценности, которые представляются им в виде переполненных прилавков тамошних супермаркетов. Другие, ругая социализм советского разлива, все еще блуждают в поисках сермяжной правды, пытаясь переделить неделимое.

Можно было бы подумать, что все они определили свои новые взгляды на основе глубокомысленных научных рассуждений, если не смотреть на то, с какой злобой они швыряют друг в друга увесистые идеологические булыжники, подчинив свою профессиональную деятельность корыстным интересам тех или иных беспринципных политиканов. Никого из них нисколько не смущает то обстоятельство, что еще совсем недавно все они угодливо, стройным хором и наперебой, спешили обосновать задним числом любые некомпетентные исторические решения высшего партийного руководства страны в народно-хозяйственной сфере. Все это раболепие называлось самой передовой советской экономической наукой. Для того, чтобы оценить его по достоинству, достаточно вспомнить такое явление в науке советского периода, как арбатовщина, когда все основные вопросы научной и кадровой политики решались на основе личных отношений. Те самые научные светила, которые ввали нам все годы советской власти о социализме и коммунизме, по сей день сидят в государственных бюджетных учреждениях, рассказывая нам о том, как можно ловко устроиться при капитализме. При этом они умалчивают о том, что ловко устроиться могут только хитрые, то есть, беспринципные. Сами они устроились таким же образом, быстро поменяв политическую ориентацию.

Политика всегда там, где происходят столкновения человеческих интересов, которые не в состоянии разрешить любая естественная наука, так как даже самая фундаментальная из них изучает не более, чем столкновения физических объектов окружающего нас материального мира. Выяснить возможность приемлемого разрешения экономических противоречий в человеческом обществе должна была бы такая общественная наука, как политическая экономия, однако введение в свое время в псевдонаучный обиход Краткого

курса пролетарской политэкономии надолго приостановило ее собственное развитие. Действительно, разве можно представить себе пролетарскую физику или, скажем, буржуазную математику? Вот так и политическая экономия, являющаяся ведущей общественной наукой, должна выяснить возможность построения более справедливого общества к нашему всеобщему, а не только пролетарскому, удовольствию.

Очевидно, что более чем недостаточная эффективность советской общественно-экономической системы является следствием утверждения в стране впервые победившего социализма крайне некачественных экономических отношений. Причиной тому могут быть два обстоятельства: либо экономическая теория Маркса является следствием искаженного отражения в его сознании основных закономерностей общественного бытия, либо имеет место неправильное ее толкование и соответствующее практическое применение. Прежде, чем приступить к решающему испытанию догматов коммунистической веры, обратимся к социалистической идее, являющейся одним из множественных проявлений гуманизма, представляющего собой течение человеческой мысли, возникшее на основе длительного наблюдения издавна утвердившейся в человеческом обществе несправедливости.

Социалистическая идея получила свое обоснование и развитие в теоретических трудах и практических социальных экспериментах основоположников и последователей утопического социализма. Но и до социалистов были люди, которые считали необходимым, чтобы имеющие слишком много поделились частью своего непомерного богатства с теми, которые и вовсе ничего не имеют. Однако и до этих людей были такие члены общества, которые ничего такого не думая, практически осуществляли перераспределение материальных благ, подачей милостыни сидящим на церковной паперти, например, и в виде других индивидуальных актов добровольной благотворительности.

Первым достижением в процессе теоретического развития социалистической идеи явилась мысль о необходимости обязательного участия в помощи нуждающимся всем, достаточно для того имущим. Следующий шаг в этом направлении сделали социалисты-утописты, потребовавшие, уже от капиталистов, не только обязательность участия, но и необходимость обеспечить, уже рабочим, определенные человеческие условия существования. Если обязательность вместе с необходимостью выражались ими в сослагательном наклонении, то социал-демократы придали им категорическую форму, твердо и недвусмысленно заявив о том, что выполнение выдвигаемых ими требований не должно зависеть от желания и настроения капиталистов. То есть, теоретическое и

практическое развитие социалистической идеи, должно выяснить хотя бы принципиальную возможность построения более справедливого общества, происходило в направлении организационного совершенствования, самопроизвольно возникшей на определенном этапе имущественного расслоения человеческого общества, добровольной благотворительности. Однако просматриваемое в социалистической идее стремление к всеобщему равенству явно не устраивало значительную и наиболее могущественную часть общества. Капиталисты не шибко торопились следовать настойчивым призывам социалистов, имея собственное, более соответствующее их корыстным интересам, представление о необходимых человеческих условиях существования рабочих.

Не испытывая никаких иллюзий относительно возможности получить в обозримом будущем добровольное согласие капиталистов на выполнение выдвигаемых ими требований, наиболее настойчивые из социалистов выдвинули коммунистическую идею, в соответствии с которой эксплуатируемые и угнетенные, избавившись неведомым, правда, образом от своих угнетателей, самостоятельно построят общество всеобщего благоденствия. Выдвижение коммунистической идеи представляло собой попытку преодолеть не только сопротивление капиталистов, но и заметную уже тогда недостаточность идеи социалистической. Эта ее недостаточность озадачила некогда одного из известнейших социалистов-утопистов своего времени, которым являлся Оуэн. Проведя очередной социальный эксперимент, он к своему величайшему огорчению обнаружил, что участвовавшие в его затее рабочие, несмотря ни на что, оставались его рабами. Свою неудовлетворенность полученным результатом он объяснил себе тем, что еще не создал для своих рабочих необходимые человеческие условия существования. В действительности причина заключалась в том, что оказавшись между капиталистом и рабочими, он превратился для последних в непосредственный источник материальных благ, чем вполне объясняется образование непреодолимой социальной пропасти между незадачливым экспериментатором и остальными участниками неудачного социального эксперимента.

Вместе с тем выдвижение коммунистической идеи свидетельствовало о том, что на этот раз наиболее решительная часть социал-демократии одними благостными увещеваниями несговорчивых капиталистов не ограничится, что и было подтверждено дальнейшим ходом событий. Такой, заведомо неприемлемый для капиталистов оборот обусловил превращение глухого неприятия ими социалистической идеи в яростное отрицание идеи коммунистической, а плохо скрываемой неприязни к социал-демократии в

открытую ненависть ко всем последователям коммунистического учения, которые не замедлили ответить со своей стороны полной взаимностью.

Несмотря ни на что, для всех предшественников Маркса необходимость избавления от капиталистов оказалась неразрешимой задачей. Большинство последователи коммунистической идеи ограничивались гневными обличениями многочисленных пороков современного им капиталистического общества или описаниями умозрительных построений свободных от эксплуатации и угнетения человеческих общностей: «Солнечный город» - Кампанелла, «Утопия» - Т. Мор. И только Маркс, решительность которого оказалась безграничной, предложил использовать для избавления одной части общества от другой набор весьма жестких способов - от экспроприации до физической ликвидации. С целью обоснования правомерности подобных действий он разработал соответствующую революционную теорию, утверждающую необходимость насильственного разрушения капиталистического общества и осуществления диктатуры победившего пролетариата на время переходного от капитализма к коммунизму периода. Эта псевдонаучная теория пришлась весьма кстати в качестве незаменимого практического руководства к действию для будущих экспроприаторов и ликвидаторов, которыми оказались, победившие всех чужих и всех своих, большевики.

Между тем, полная ликвидация капиталистов в отдельно взятой стране исключила всякую возможность использования в советском обществе социалистического распределения. В результате сплошного обобществления и поголовной коллективизации оказалось, что давать надо всем, да и обещано было немеряно, а вот тех, у которых для этого можно было бы хоть что-нибудь взять, в порыве революционного энтузиазма искоренили вчистую. Социалистическая идея, следовательно, не получила в СССР никакого практического применения. Использование социалистического распределения в отношении всех членов общества и вовсе не имеет никакого смысла, так как сущность социальной политики есть перераспределение материальных благ, которое в советском обществе было заменено тотальным централизованным распределением совокупного результата общественного производства.

Примером наиболее эффективного использования социалистического распределения является пресловутая шведская модель гуманного и демократического капитализма, представляющая собой как, впрочем, и все иные модели не более, чем социал-демократический тупик. Сохранение значительного социального неравенства в странах с

наиболее развитыми системами социальной защиты подтверждает ограниченность социалистической идеи. А использование социалистического распределения в отношении вполне здоровых и работоспособных членов общества свидетельствует о ее несомненной порочности. Предпринятая шведской социал-демократией попытка решительного продвижения в сторону общества всеобщего благоденствия также оказалась бесплодной, обернувшись потерей динамизма экономического развития, застойными явлениями в производстве, политическим поражением социал-демократов. Настолько обескураживающий отрицательный результат объясняется тем, что социалистическое распределение является по своей сути распределением внеэкономическим. Его доля в совокупном результате производства материальных благ имеет некоторый предел, одновременно с преодолением которого значительно ограничивается положительный субъективный фактор в производстве, так как при этом даже капиталист теряет всякий личный интерес в дальнейшем развитии своего предприятия. Дальнейшее увеличения доли внеэкономического распределения заменило бы товарно-денежные отношения тотальным централизованным распределением совокупного результата общественного производства, экономическое неравенство – неравенством номенклатурным, буржуазную парламентарную демократию – тоталитарной диктатурой. Однако проявленное шведской социал-демократией здоровое благоразумие позволило стране своевременно вернуться к пока еще более приемлемой общественной и экономической организации.

Не в пример Швеции, утвердившаяся в СССР общественно-экономическая система явилась результатом практической материализации неприкаянно бродившего до тех пор по Европе призрака, обратившегося в экономических отношениях в тотальное централизованное распределение совокупного результата общественного производства, а в отношениях общественных – во всеобъемлющую тоталитарную власть. Возникшая в процессе гражданской войны необходимость полной мобилизации человеческих и продовольственных ресурсов, вынудила Ленина объявить о переходе к политике военного коммунизма. С целью заготовки достаточного количества сельскохозяйственной продукции для обеспечения хотя бы минимумом продовольствия голодающего населения, в первую очередь рабочих, крестьянство обложили продразверсткой, предполагавшей обязательную сдачу всех излишков по твердым закупочным ценам. Эти драконовские меры были названы союзом рабочего класса и трудового крестьянства. В результате укрывательства зерна крестьянами, сокращения посевных площадей хлеба в стране катастрофически недоставало.

В процессе бескомпромиссной борьбы за власть обессиленная участием в Первой мировой войне страна была полностью разгромлена. Промышленное производство оказалось разрушенным, сельское хозяйство пришло в упадок, в стране воцарился голод, свирепствовали эпидемии. Полная непригодность экономической политики военного коммунизма в мирное время вынудила Ленина объявить о переходе к новой экономической политике, называемой НЭПом. То есть, в самое тяжелое для страны время Ленин обратился за помощью не к рабочим и крестьянам, а к тем же самым, только что ликвидированным капиталистам и кулакам. Вместо того, чтобы открыто расписаться в собственной несостоятельности, было объявлено, что этот переход представляет собой временную меру. Тут же появившиеся новые капиталисты, называемые в то время нэпманами, очень напоминают нынешних, называемых новыми, во всей СНГовии. Спрашивается, стоило ли ради этого совершать революцию и затевать гражданскую войну? Дорвавшийся до власти Сталин считал, что стоило и даже очень. Он своевременно понял, что еще совсем немного и нэпманы скупят на корню всех голодранцев комиссаров. НЭП поэтому был немедленно свернут и заменен системой тотального централизованного распределения совокупного результата общественного производства, представляющей собой продолжение ленинской экономической политики военного коммунизма в условиях мирного времени. В результате коммунистическая идея, получив свое практическое воплощение в виде крайне некачественной системы общественных и экономических отношений, которую составляют всеобъемлющая тоталитарная власть и тотальное централизованное распределение совокупного результата общественного производства, оказалась полностью несостоятельной. Обещанный социалистический достаток, не говоря уже о коммунистическом изобилии, обернулся почти что постоянным нормированием потребления. А воображаемые заманчивые умозрительные видения бесконфликтного коммунистического общежития оказались в действительности загаженными советскими коммуналками и переполненными бараками Гулага.

То есть, социалистическая идея, возвестившая о своем пришествии звоном первого, брошенного в качестве добровольного подаяния медного пятака, получила свое наиболее полное практическое воплощение в виде развитой системы социальной защиты. Будучи доведенной посредством государственного регулирования до наиболее высокоорганизованной формы принудительной благотворительности, она уже полностью себя исчерпала, исключив тем самым для социал-демократов всякую возможность

дальнейшего теоретического и практического продвижения к своей заветной цели в виде общества всеобщего благоденствия. Энергичная и достаточно результативная некогда деятельность социал-демократии, направленная на переустройство несправедливого общества, превратилась со временем в вялотекущую и совершенно непродуктивную составляющую мирового общественно-исторического процесса, выродившуюся к настоящему времени в популизм. Это означает, что за социалистическим распределением в условиях капиталистического общества никакого социализма в качестве самостоятельной общественно-экономической системы нет и быть не может в принципе.

Таким образом, для выяснения возможности перехода от капитализма к более качественной общественной и экономической организации необходимо преодолеть ограниченность и порочность социалистической идеи, благоразумно воздержавшись от дальнейших попыток достижения заманчивой химеры идеи коммунистической в виде скачкообразного перехода к обществу всеобщего и вечного благоденствия.

Литература

1. Айрапетов А.Г., Юдин А.И. Западно-европейский и русский утопический социализм Нового времени. — М.: Высшая школа, 1991. — 206 стр.
2. Будущее европейской социал-демократии / под ред. Х. Фишера. — М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1998. — 432 с.
3. Мач В.Я. Распределение и первобытный коммунистический рай // Изборский клуб. Уральское отделение [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://izborsk-club-ural.ru/index.php/mach-valentin-yakovlevich/770-raspredelenie-i-pervobytnyj-kommunisticheskij-raj>, свободный.
4. Мач В.Я. Распределение и противоречия // Изборский клуб. Уральское отделение [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://izborsk-club-ural.ru/index.php/mach-valentin-yakovlevich/806-raspredelenie-i-protivorechiya>, свободный.
5. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 664 с.